

Ольга Валентеева

РОМАШКА ДЛЯ ВЕДЬМЫ

АЙ-ТЕРЕ. БРАКОВАННЫЙ ПОДАРОК

АЙ-ТЕРЕ. СПЯЩАЯ СИЛА

АЙ-ТЕРЕ. ПРАВО НА СВОБОДУ

ВРАТА ПУСТОТЫ. ЗОВ ПУСТОТЫ

ВРАТА ПУСТОТЫ. ТУМАННЫЙ КОЛОКОЛ

ВРАТА ПУСТОТЫ. ЗВЕЗДА КОРОЛЯ

ВРАТА ПУСТОТЫ. ЗЕРКАЛЬНЫЙ СТРАЖ

Цикл

«Изельгард и Литония»

МОЙ ПЛЕННИК, МОЯ ЖИЗНЬ

КОРОЛЕВА ХОДИТ ПОСЛЕДНЕЙ

ПРОКЛЯТИЕ ЛИЛИЙ

ПРОЛОГ

— Тебе пора.

Леди в сером балахоне смотрела на молодого человека, замершего перед ней, словно пыталась понять, что за мысли сейчас витают в его голове.

— Я не хочу.

В который раз она слышала такой ответ? Уж точно не в первый. Но на этот раз все переменялось, и она не спрашивала — утверждала. Ее когда-то прозвали Пустотой, а настоящее имя унесли пески времени. Она обрела особую силу, а вместе с ней — и бессмертие, но тот, кто должен был стать суженым, навеки запер ее в темнице. Особом мире, войти в который могут лишь избранные, а выйти — почти никто.

— Андре, — мягко сказала Пустота темноволосому собеседнику, — неужели ты не скучаешь? По солнечному свету, по пению птиц. Я — и то скучаю.

— Нет.

Ответ не был неожиданным. Пустота присела рядом со своим избранником, новым магистром, который должен был давным-давно приступить к обязанностям, и накрыла его пальцы своими. Чужая ладонь тут же исчезла — Андре поднялся и отошел на несколько шагов.

— Грядут непростые времена, — вздохнула Пустота. — Ты нужен там, Андре. А потом, если пожелаешь, я приму тебя навсегда.

— Какое мне дело? — холодно спросил он. — До того мира? До его людей? Я не был нужен им, теперь они не нужны мне.

— Обычно люди платят за то, чтобы выйти, — рассмеялась женщина в сером. — А мне, похоже, придется приплатить тебе, чтобы ты меня покинул. Ну же, милый. Чего ты хочешь? Пожелай!

— Я хотел твою силу — я ее получил. — Андре безразлично пожал плечами. — Тебе больше нечем мне заплатить, Пустота.

— А если я пообещаю тебе любовь?

— Твою? — Андре вскинул обычно хмурые брови.

— Зачем же? Твою. Я могу помочь, только скажи.

— Пустота не знает любви.

— Пустота знает все, Андре, и о многом молчит. Так как?

— Отказываюсь.

Пустота устало закрыла лицо руками. И вот как с ним разговаривать? Как убедить?

— Неужели ты позабыл свое желание? — решила применить последний козырь. — Доказать отцу, чего ты стоишь. У тебя будет такой шанс, Андре. Один из сотен тысяч шансов. Не только отцу, но и всему миру. Ты теперь магистр, твоя власть велика. Так используй ее!

Мужчина молчал. Только смотрел странно и непонятно, и от этого взгляда Пустоте становилось не по себе. Хотелось исчезнуть с глаз, спрятаться, укрыться. Не ошиблась ли она с магистром?

— Хорошо, — вдруг слетело с упрямых губ. — Я сделаю так, как ты просишь. Но когда твои проблемы будут решены, будь так добра, открой врата, и я вернусь.

— Договорились!

Вот так бы сразу. Пустота едва не захлопала в ладоши. Уже боялась, что не сработает. Надо спешить, пока не передумал, — и она побежала к стене, коснулась ее, чтобы появилась арка перехода.

— Береги себя, Андре Вейран, — коснулась губами щеки своего магистра. — Я буду скучать.

Арка вспыхнула серым, открывая портал, сквозь который самой Пустоте хода не было. Лишь крупницы ее силы могли просочиться во внутренний мир к ее магам, сильнейший из которых сейчас собирался исполнить свой долг.

— Ты тоже, Пустота. Никуда не уходи, пока я не вернусь, — усмехнулся зеркальный маг и шагнул в открывшийся переход.

ГЛАВА 1

Филипп

Весна выдалась в меру дождливой и теплой, как и положено веснам. И — какой-то безрадостной. Настроение опускалось от отметки «скверно» до «очень скверно», и причин для этого хватало. Главная причина сейчас была днях в двадцати пути и даже не подозревала, что портит мне лучшие весенние деньки. Хотя подозревала, конечно, но папаша причины по имени Лиз никак не желал давать разрешение на наш брак, пока дочь не окончит особую ведовскую школу за тридевять земель от столицы Гарандии, славного города Альсенбурга.

До летних каникул оставалось полтора месяца, а затем еще год до выпуска. Лиз писала, что ей безумно нравится учиться, а я готов был выть на луну не хуже знакомого оборотня, от которого, кстати, подозрительно долго ничего не слышно. Именно по причине крошечного одиночества я бродил по центру столицы, разглядывая новые клумбы, украсившие безликие улицы. И чем заняться? Пойти в светлый магистрат и потребовать, чтобы старший брат, который уже пять лет занимал пост светлого магистра, приказал своим магам вызвать дождь? Тогда можно будет сидеть у окна с чашкой ягодного чая и думать о том, как несправедлива жизнь. Но к Анри лучше не ходить. А то он вспомнит, кому косвенно обязан назначением на пост и кто вообще-то должен отвечать за все, что творится в Гарандии. По этой же причине не стоило посещать темный магистрат, где воцарилась безграничная тирания моего друга Роберта Гейлена. И Роб тоже любил тыкать носом в то, что я вроде как увиливаю от своих обязанностей, хотя на самом деле я, в отличие от них, никаких постов не занимал. Да и маялся скорее от скуки.

День было решительно нечем занять. Тренировка с утра давно стала привычным делом. Затем — пара часов в гимназии «Черная звезда», выпускником которой я являлся. Директор

Рейдес решил не упускать шанс и вручил мне факультатив по защитной магии, потому что с моими щитами всегда нелегко было справиться. Он намекал, чтобы я занял освободившееся место профессора зеркальной магии, но тут уж воспротивился мой отец. Директор Рейдес с тех пор опасается переступить порог нашего дома, а папа вспоминает его, только называя «варваром» и «вредителем».

Но мой факультатив закончился, и я брел домой — по привычке пешком. И понимал, что идти никуда не хочется.

— Филипп! — раздался вдруг знакомый голос. — Филипп Вейран!

Я обернулся. С другой стороны улицы ко мне спешил человек, которого я всегда был безумно рад видеть. В коричневой форме законника, плоской шляпе и с портфелем под мышкой.

— Пьер! — кивнул другу, которого не видел уже несколько месяцев. — Ты здесь какими судьбами?

Сегодня в Пьере никто не мог бы узнать бывшего магистра пустоты. Память к нему так и не вернулась, но, конечно, только глухой не услышал бы о «гибели» магистра Эйлеана, поэтому я постарался как можно осторожнее описать Пьеру последние лет восемь его жизни. Он быстро смирился — этот новый Пьер, не отягощенный годами в магистрате, был куда более жизнелюбивым и легким на подъем, чем магистр, которого я знал. Он словно торопился прожить все, что упустил за те восемь лет. И сейчас едва не попал под экипаж, перебегая дорогу, чтобы вместо положенного приветствия крепко пожать мне руку.

— Иду в суд, — скороговоркой выпалил он, а я и не заметил, как приноровился к его быстрой ходьбе и зашагал рядом. — Такое любопытное дело! Девчонку обвиняют в пяти отравлениях. Вдумайся! В пяти. Я сначала братья не хотел. По всему выходило, что девушка виновна. Но она такая миленькая.

И Пьер весело мне подмигнул.

— Похоже, у кого-то наклеивается новый роман? — улыбнулся я.

— Да, если девчонке не отрубят голову. Сам знаешь, законы Гарандии не знают жалости. Обвиняемая, кстати, прехорошенькая! Высокая, фигуристая, с такими глазищами. У-у-у, ты бы видел! Кстати, хочешь посмотреть? Суд открытый. Тебя пропустят.

— Идем, — тут же согласился я. Это, по крайней мере, обещало чуть менее унылый день, чем планировался изначально.

Суд располагался неподалеку от главного здания магистрата. Только бы не встретить брата! Но вроде бы день был не приемный, и, скорее всего, Анри не здесь, а все-таки в башне света.

— Что-то ты непривычно угрюм, мой юный друг. — Пьер хлопал меня по плечу. — Неужели прекрасная Элизабет нашла себе другого?

— Даже если и нашла, я об этом не знаю, — тут же нахмурил я. — Потому что ее учеба, будь она неладна, бесконечна!

— Любые чувства нуждаются в проверке временем! — назидательно произнес господин законник.

— Пять лет, Пьер! Разве этого мало?

— Когда как, Филипп. Иногда хватает куда меньшего срока, а иногда недостаточно и большего. Ну, вот мы и пришли. Проходи, садись в первом ряду, а я подготовлюсь к слушанию.

Зал суда был полупустым. Кроме меня, рядом восседали три угрюмые женщины в невнятных серых платьях и истеричная девица, которая то и дело вытирала глаза большим, совсем не девичьим платком. Еще человек десять зевак — маловато для процесса о многочисленных отравлениях, но, видимо, то ли дело держалось в тайне, то ли людям было чем заняться и без него.

Не прошло и четверти часа, как начался суд. Пьер был прав — подсудимая вызывала живейшее сочувствие у мужской половины и ненависть — у женской. Красивая даже в тюремном платье, с большими невинными глазами. Разве она могла кого-то убить? Но девица меня интересовала мало. Куда больше — защита, которую Пьер, как всегда, вел блестяще. Менялись свидетели — один за другим, а он уверенно давил на судей, которые и сами уже не знали, зачем пришли.

— Взгляните на нее! — взывал Пьер в заключительной речи. — На бедняжку Амели! Посмотрите ей в глаза, в которых застыло горе. А лучше — в глаза ее безутешной матери.

Одна из женщин шумно высморкалась и вытерла щеки ладонью. Это мамаша? Или кто-то из сочувствующих?

— Доказательной базы недостаточно, чтобы вынести обвинительный приговор. Все, что мы слышали, основано на досужих домыслах. И разве вы, господа судьи, не понимаете, что виной всему — зависть? Те, кто сегодня свидетельствуют против Амели, ей завидуют! Ее красоте, молодости, невинности. А зависть может заставить оговорить даже святую. Разве хоть один из них видел, как Амели подсыпала яд? Или держала его в руках? Нет! Так кто дал им право требовать для нее кары? Ответьте мне, господа!

Я даже заслушался. Пьер был настоящим профессионалом, поэтому у него всегда хватало дел. Удивительно, что у него сегодня только одно заседание. Его занятость и была основной причиной, по которой мы не виделись так давно. И я был рад нашей случайной встрече.

Конечно же суд оправдал прекрасную Амели. Уверен, Пьер не упустит своего, и красавица не устоит перед обаянием своего защитника. При этом он не торопился строить семью. Я не понимал почему. Наверное, так и не встретил ту, с кем бы это стало возможно. Да, Пьер забыл о том, что когда-то был влюблен в жену моего брата. Но — так больше и не влюбился.

— Ну как? — поинтересовался он, когда мы вместе выходили из зала суда.

— Ты был неподражаем, — искренне ответил я. — Амели повезло, что ты согласился ее защищать.

— Да, я согласился, потому что сам случай был интересным донельзя. Видно ведь, что девушка невиновна, но кто ее оклеветал? Зачем? Я так и не понял, Фил.

— Главное, что она не пострадает за чужую ошибку.

— Да уж, ты прав, — кивнул мой спутник. — Как ты смотришь на то, чтобы заглянуть куда-нибудь пообедать?

И вдруг раздался глухой звон колокола. Бом... Бом...

— Туманный ожил, — задумчиво сказал Пьер, и на миг в его голубых глазах мелькнула сталь.

— Прости, пообедать не получится, — ответил я, вслушиваясь в тревожный звон. — Мне надо кое-кого навестить. Давай увидимся на днях, если будешь свободен.

— Да, конечно. Я загляну.

Мы попрощались, и я ускорил шаг. Звон туманного колокола мог означать только одно — мой средний брат, магистр пустоты, вернулся после пятилетнего отсутствия.

За эти годы путь к башне пустоты не успел изгладиться из моей памяти, пусть сама башня и стояла закрытой. Только пара охранников дежурила у входа по ночам, но на самом деле это место давным-давно обросло дурными слухами, и мало кто рисковал переступить его порог. Идти было далеко, а удары колокола давно стихли. Я даже подумал, что, пока доберусь до башни, Андре успеет куда-нибудь уйти. Ему для этого не пришлось бы и на улицу выходить — только пройти сквозь так любимые им зеркала. Сам я мало преуспел в зеркальной магии. Некому было учить, а по книгам сумел разобрать только скудные кру-

пицы по сравнению с тем, что уже знал, а Андре был гением, который когда-то решил уничтожить магистрат, и в итоге стал его частью.

Вот впереди показались знакомые ворота, сейчас закрытые на замок. Но что темному магу какой-то кусок железа? Я коснулся его ладонью — и створки распахнулись, пропуская во двор. Пусто... Только колокол не мог бить просто так. В нем была своя магия, и раз магия откликнулась, значит, я пришел не зря.

Толкнул тяжелую дверь башни, и она открылась с протяжным скрипом. Вспыхнули светильники, реагирующие на движение, — никогда раньше не обращал на них внимание. Наверное, потому что они горели всегда. Ступеньки летели под ногами, и лишь за пролет до колонного зала, в котором находились врата пустоты, я немного замедлил шаг.

Андре сидел на верхней ступеньке, опершись плечом на перила. Пять лет... За это время он сам превратился в тень — и без того жесткие черты лица заострились, стали еще жестче, у губ пролегли складки, а в волосах появилась серебристая прядь — знак пустоты. Только глаза не стали серебристо-стальными, как когда-то у Пьера, а остались зелеными, как весенняя листва. Он заметил меня, но не шелохнулся.

— Здравствуй. — Я замер, не доходя десяти ступеней.

— Здравствуй, Филипп. — Голос Андре звучал глухо, будто он отвык говорить. — И почему я не удивлен?

— Чему? — понял не сразу.

— Тому, что из всех возможных людей на звук туманного колокола пришел именно ты. Впрочем, Пустота передавала, что ты беспокоишься.

— Я пытался добраться до тебя.

— Я знаю. Но разве тебе не говорили, что небезопасно отправляться в пустоту, так плохо владея ее магией? Ты чем вообще думал? Неужели так ничему и не научился?

Я неожиданно почувствовал себя провинившимся курсантом, не выучившим урок зеркальной магии. А бывший профессор Айденс изучал меня холодным взглядом.

— Сколько времени прошло? — спросил он.

— Пять лет, — ответил тихо.

— Пять? — На миг в глазах Андре мелькнуло удивление. — Я думал, меньше. Ну что ж, тогда тем более ты должен был давно усвоить правила обращения с пустотой, а не приходить туда, когда тебе вздумается. Скажи спасибо, что ты ей неинтересен.

Андре тяжело поднялся на ноги и преодолел разделявшие нас ступени. И прошел мимо вниз, к жилым комнатам. Точнее, давно уже нежилым...

Я поспешил за ним, а Андре безошибочно распахнул дверь в гостиную. Еще бы, он знал башню пустоты едва ли не лучше ее прежнего владельца. На мебели лежал слой пыли, кресла были скрыты под чехлами. Брат сдернул один из них, и в воздух взметнулось серое облако. Я последовал его примеру и занял второе.

— Раз ты вернулся, может, собрать магистрат? — спросил его. — И, наверное, тебе стоит набрать новый штат для башни. Или ты не будешь здесь жить?

— От тебя слишком много шума, — поморщился Андре. — А теперь слушай меня, Филипп, и не перебивай. Первое — если я стал магистром, это еще не значит, что буду плясать под дудку твоего старшего брата. В магистрате я не появлюсь. Если надо что-то согласовать, сделать это можно и письменно. Если сможешь, передай мне визор. Так будет проще. Штат в башне не нужен.

— Но хотя бы охрана...

— Я сам себе охрана, Филипп, — перебил брат. — Так всегда было, так и останется. Если кто-то попытается переступить порог башни без моего разрешения, обращу в пыль, так и передай. Ты можешь иногда заглядывать, если понадобится, но — только ты.

— И на том спасибо, — пробормотал я.

— Ждал чего-то другого? Извини, у меня не было желания возвращаться, но Пустота настаивала, а ей не отказывают. Но сам факт моего существования еще не означает, что теперь можно устраивать из башни пустоты проходной двор. Это понятно?

Я кивнул. Не понимал его раньше, не понимаю и теперь. Пять лет! И вместо того чтобы вернуться к жизни — такое холодное безразличие.

— И что... — попытался сформулировать вопрос хоть немного корректнее, но все-таки следовало его задать. — Что тебе пришлось отдать Пустоте взамен на то, чтобы ее покинуть?

— Ничего, — пожал плечами Андре. — Мы сошлись на том, что пока оставим взаимные претензии друг к другу и вопрос оплаты решим как-нибудь потом. Она даже предлагала лично заплатить, чтобы я перестал маячить у нее перед глазами.

— Ничего?

— Да. Кстати, там маячил не только я. Твой брат умудрился зашвырнуть в пустоту нескольких магов. Так вот, двое из них еще живы, и у одного есть шанс вернуться. Видишь, Пустоте не скучно и без меня.

Мне нечего было ему сказать. И хотелось бы, но — нечего. Андре меня слушал, но не слышал, и оставалось только догадываться, где он мыслями. Но в отличие от Анри, который вернулся из пустоты совсем другим человеком, Андре был все тем же. Разве что холода прибавилось. Неужели она и правда обломала об него зубы? Или же у них нашлось что-то общее?

— Даже не спросишь, что дома?

— У кого? У тебя? — На лице Андре не дрогнул ни один мускул. — Я и так знаю. Почти все в твоём роду соприкасались с Пустотой, и она могла показать мне то, что я хотел увидеть. Но, признаю, я особо не просил. И ты не обязан находиться здесь только потому, что когда-то твой отец переспал с моей матерью. Поэтому иди, Филипп. Ты все равно вернешься обратно, я знаю, но сейчас — иди.

Я поднялся. Действительно, глупо требовать от человека, который выпал из жизни на пять долгих лет, каких-то решений. И мне было пора.

— А ты повзрослел, — заметил Андре. — И магия твоя заметно выросла. Но тренироваться надо больше. Врожденный талант еще не делает тебя великим магом.

— Ты прав, — ответил я. — Не делает. Увидимся на днях, хорошо?

— Посмотрим. До встречи, Филипп.

— До встречи.

Я спустился на первый этаж и покинул башню, спиной чувствуя, что за мной наблюдают из окна. Что ж, теперь в составе магистрата снова трое магов. Только почему-то казалось, что легче от этого не станет. Примет ли Андре обязанности магистра пустоты? Или же так и останется тенью этой башни? Как бы там ни было, сейчас лучше перехватить родных, пока они тоже не решили нанести визит вежливости, иначе это может плохо закончиться. Андре никогда не бросал слов на ветер. Обещал испепелить — значит, так и сделает. И все-таки я был рад, что он вернулся, потому что чувство вины не оставляло все это время. Оно вросло в меня, пустило корни, а теперь отпускало. Хотя бы за это стоило поблагодарить Андре — и Пустоту.

ГЛАВА 2

Андре

Первые дни после возвращения я пребывал в каком-то полусне. Были запахи и звуки, были мелкие дела — сделать хотя бы одну комнату пригодной для жилья, решить вопрос с продуктами, — а ощущения реальности не было. Будто я спал и видел сон о том, что жив. А на самом деле — давно умер. Когда-то меня испугала бы такая мысль, но не теперь. Пустота дала мне главное — покой. За эти пять лет все отболело, отмерло и стало все равно. Безразличие окутало меня, будто кокон, и так было легче. Легче дышать, да и просто — жить. Поэтому я не думал о том, что будет дальше. В этом не было необходимости. Большую часть времени проводил за тем, что устанавливал на башне новую защиту всех типов — и светлую, и темную, и зеркальную, и серый покров пустоты. Так можно было не опасаться непрошенных гостей. Охранников, которые попытались доказать свою пользу, я лично выставил за ворота с напутствием, что следующая наша встреча станет последней. К счастью, ребята оказались понятливыми и больше меня не беспокоили.

За эту неделю или две было всего два ярких пятна, которые немного выбивались из картины всеобщего равновесия. Первое — визит магистра света. Анри Вейран явился утром следующего дня после моего возвращения. К тому моменту я успел установить только базовые защитные заклинания, поэтому старший братец дошел до двери без угрозы для жизни и постучал. Разговаривать с ним я не желал, но Анри еще пять лет назад доказал, что его мало волнует чужое мнение, поэтому пришлось спуститься.

Если Филипп заметно повзрослел, то старший Вейран тоже изменился — перестал напоминать пугало, переступившее порог пустоты. Светлая мантия магистра делала его похожим на какого-нибудь правителя древности, и держался он с не меньшим гонором.

— Я ждал вас раньше, магистр, — сказал он, увидев меня на пороге, тут же давая понять, что он тут исключительно по долгу службы.

— Так и я ждал вас еще вчера, магистр, — ответил, хотя больше хотелось плюнуть в лицо, чтобы немного сбить спесь. — Спасибо, что дали время прийти в себя. Как поживаете? Как супруга? Как дети?

— Все благополучно, благодарю. Я хотел обсудить формат нашего сотрудничества.

— А не будет никакого формата, — ответил я. — Моя забота — сохранение равновесия и присмотр за воротами. Ваша забота — все остальное. Если вы надеетесь, что я стану чучелом при магистрате, то смею вас разочаровать — не стану. И на пороге не появлюсь без острой необходимости. Я еще вчера попросил Филиппа передать мне визор. Думаю, для связи с вами, магистр, этого будет более чем достаточно. А теперь прошу оставить территорию башни пустоты, вам здесь не рады.

Анри протянул мне визор на цепочке. Я забрал кристалл и спрятал в карман. Вот и вся беседа.

— Я хотел спросить... — начал было он.

— Что? Не собираюсь ли я снова лишиться Гарантию магистров? Нет, не собираюсь. По большей части мне плевать на вас, месье Вейран, а месье Гейлен — достойный правопреемник магистра Кернера. Правьте! Только не вмешивайте меня в это. До встречи.

И закрыл дверь у него перед носом. Анри выругался. Я слышал его удаляющиеся шаги. Прислушался к себе — злости не было. Только безразличие, потому что мне действительно было все равно, есть на свете Анри Вейран, нет его. Подумаешь, когда-то мы пытались убить друг друга. Те дни остались далеко, мы оба живы — и вроде как в одной упряжке. Так к чему лишние вопросы?

Вторым событием, которое оставило хоть какой-то след, стал визит в «Черную звезду». Может быть, я бы туда и не пошел, но в гимназии остались все мои вещи и сбережения, а еще хотелось забрать зеркала. Поэтому вечером того же дня я переместился в свою комнату в преподавательском крыле. Здесь в отличие от башни пустоты было чисто. Видимо, директор приказал поддерживать маломальский порядок бытовой магией, я ощутил следы заклинания. Все лежало ровно на тех местах, где я и оставил. Несколько бурых капель вьелись в пол — напоминание о бое с Анри, который едва не стал для меня последним.

Сборы вышли недолгими. Я снял со стен зеркала, уменьшил их в размерах и спрятал в найденный дорожный мешок. Затем собрал одежду, так и висевшую в шкафу, накинул на плечи любимый черный плащ с восьмиконечной звездой. Вроде бы все. Покосился на стол, запертый заклинаниями. Снял магические заслоны и открыл ящик.

Конспекты лекций оставил на месте. Пусть лежат, лишними не будут. А вот во втором ящике находились совершенно беспо-

лезные записи, которые я когда-то похитил из закрытых отделов городского архива. Это были протоколы дел, которые вел мой отец Виктор Вейран. Нет, лучше не так — граф Вейран, оплошность которого поспособствовала моему рождению. Так глупо... Вспомнил себя пять лет назад. Как же глупо! Пытаться понять хоть что-то, искать ответ. Оказалось все гораздо проще.

Я провел пальцами вдоль корешков папок, и они превратились в пепел. Пыль, труха. Как и все мое прошлое. Тогда, в неполных двадцать два, я не понимал главного — невозможно выпросить любовь. Хоть кричи, хоть умоляй, хоть доказывай. Если ее нет — значит, нет. Все остальное не важно.

Мне нужен был отец? Возможно. Но что толку в этих документах? Когда-то это был способ прикоснуться хоть так к его жизни, понять, что он за человек, что им движет — и почему для меня в его жизни не нашлось места. Все оказалось куда проще и прозаичнее. У Виктора всегда было только два сына. И надо было быть наивным глупцом, чтобы считать, будто это количество может измениться в большую сторону.

Пепел... Я распахнул окно и вытряхнул ящик. Серая пыль взметнулась в воздух, растаяла, исчезла. В такой же пепел превратился я сам. Но это больше не тревожило. Не было нужды страдать и мучиться, искать ответы. Все закончилось, и стало проще.

В дверь постучали. Это мог быть только один человек. Единственный, кому не было все равно, жив я или умер. И конечно, он не пропустил бы мое появление в своей гимназии.

— Здравствуйте, директор Рейдес, — открыл я дверь, прекрасно зная, кого увижу на пороге.

— Андре! — Он крепко обнял меня, а я приказал себе терпеть. Меня всегда раздражало, когда люди вмешивались в личное пространство. Пусть даже дорогие сердцу люди.

— Здравствуйте, месье Рейдес, — ответил я.

— Это и правда ты? — Эдуард разглядывал меня, будто впервые видел. — Мальчик мой! Я не знал, что ты вернулся. Сам знаешь, на территории «Черной звезды» не слышно колоколов.

— Да, конечно. — Я прошел в комнату, впуская гостя. — Но вы ничего не пропустили, я прибыл только вчера.

Прибыл? Не совсем верное слово, но другого подобрать не мог.

— Я хотел забрать вещи и деньги, — пояснил очевидное.

— И не собирался ко мне зайти? — пожурил Рейдес.

— Собирался.

Это действительно было так. Эдуард был единственным, по ком я скучал. Моим наставником, которому знакомство со

мною стоило много нервов. Но если бы не он, я бы давно умер. Никто не знает, чего ему стоило вытащить меня после убийства магистра тьмы Тейнера, а главное — после того, как отец искренне пожелал мне умереть. Только Рейдес не сдавался. И решил, что не даст мне пойти ко дну, то до последнего оставался верен принятому решению.

— Что ж, рад слышать, — улыбнулся Эдуард. Вот кто остался неизменен. — Присядем?

— Я... спешу.

— Не ври, Андре, никуда ты не спешишь. Разве я не знаю? Давай хотя бы поговорим.

Я послушно занял стул, оставив директору кресло. Рядом с ним я всегда чувствовал себя курсантом, хоть и давно завершил обучение в гимназии. Вот и сейчас не знал, как себя вести и что делать.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно.

И это было правдой. Пока что я не заметил никаких последствий от пребывания в пустоте. Наоборот, стало лучше. Ничто не раздирало изнутри, не мучило.

— И... где собираешься жить?

Эдуард тоже подбирал слова, опасаясь ненароком меня задеть. Зря. Я давно уже не тот глупый парнишка, который метался по этой комнате, воя от отчаяния. Нет его, исчез. Остался только Андре, магистр пустоты.

— В башне пустоты, — ответил я. — Там достаточно уютно.

— Уютно? — Рейдес уставился на меня. — Андре...

— Эд, — отбросил я формальности, — вы зря волнуетесь. Я действительно хорошо себя чувствую. И даже успокоился. Но мне нужно побыть одному, и башня пустоты для этого — лучшее место на земле.

— А может, вернешься в гимназию? — спросил Эдуард. — Твой курс так никто и не забрал.

На минуту этот соблазн — вернуться к любимой работе — оказался достаточно сильным, но он тоже был пережитком прошлой жизни. Точнее, немного не так. Я и хотел бы вернуться к преподаванию, к любимой зеркальной магии, но сейчас не мог.

— Давайте так, — сказал я. — Этот учебный год завершается. Нет смысла сейчас возвращать мой предмет в расписание. Но летом будет новый набор, и тогда я, может быть, вернусь. Если, конечно, к тому времени вы не передумаете.

— А с чего бы мне передумывать? — пожал плечами директор. — Ты же знаешь, я всегда рад тебе — как в качестве гостя, так и в качестве преподавателя. Поэтому подумай хорошенько и приходи.

— Хорошо.

Говорить больше было не о чем... Спрашивать ни о чем не хотелось, поэтому мы сидели и молчали. Эдуард тоже не задавал вопросов, понимая, что мне вряд ли хочется рассказывать о пребывании в пустоте.

— Я пойду, — поднялся на ноги. — Рад был видеть вас.

— И я тебя, Андре, — тепло улыбнулся Рейдес. — Если бы ты знал, насколько! Приходи в гимназию, когда захочешь.

— Спасибо.

Действительно, «Черная звезда» давно стала мне домом. Это было место, где можно не притворяться, не играть чужих ролей, а просто быть собой. Заниматься тем, что нравится. Жить. Жаль, что я раньше этого не понял и потратил бесценное время на то, чтобы найти другой дом, другую семью, хотя моя всегда была здесь.

Уходил я тоже через зеркало — одно так и осталось на стене, чтобы служить для меня порталом. А потом до вечера стоял на верхнем балконе башни пустоты и смотрел на город в отдалении. Чужой город, но я искренне хотел когда-то все изменить, искоренить ту гниль, которая его пожирала. Еще одна несусветная глупость, которая едва не стоила мне жизни и свободы. Ничего нельзя изменить. Только принять. Осознать — и принять, как бы сложно это ни было.

ГЛАВА 3

Филипп

Мне никак не удавалось поговорить с Анри. Брат стал воистину неуловим. Дома не показывался — Полина говорила, что в последние дни появилась какая-то срочная работа. В башне света, когда ни зайди, отвечали, что у магистра совещание либо он только что ушел. На послания через визор отвечал: «Поговорим потом». Я уже подумывал записаться на публичный прием в магистрат, чтобы обсудить с Анри возвращение Андре, как брат попросил меня с помощью визора зайти к нему в полдень. Надо же, нашел время! Но лучше так, чем никак, поэтому около

полудня я подходил к башне света. Вокруг, как всегда, бурлила жизнь. Светлый магистрат оставался одним из самых посещаемых в Гарандии. Поэтому, в какое время ни приходи, вокруг башни сновали люди, слышались голоса, толпились просители. Я бы на месте Анри давно послал всех во тьму и уехал куда глаза глядят, но брат справлялся. Его усилиями в Гарандии постепенно восстанавливался порядок. Роберту было чуть проще — к темному магистру обращались куда меньше, да и он, в отличие от Анри, успевал всем объяснить, почему их визит в магистрат должен стать первым и последним.

Зато во дворе башни стоял знакомый экипаж с гербом темного магистрата. Анри решил собрать всех? Потому что в совпадения я не верил.

— Месье Вейран, — поклонились мне охранники.

— Здравствуйте, господа, — поклонился в ответ.

— Его сиятельство ждет вас в кабинете на втором этаже.

— Благодарю.

Привычный обмен любезностями. Хотя уже сам факт, что его сиятельство меня ждет, обнадеживал. А еще я догадывался, чем занимался мой неуловимый брат — принимал меры предосторожности. Одного светлого магистра Андре уже убил, что помешает ему уничтожить второго? В это верил Анри, но почему-то не верил я. Только разве брата кто-нибудь когда-нибудь мог переубедить? В том-то и дело, что нет.

Ступеньки мелькали под ногами. На втором этаже тоже дежурила охрана — и, как и у двери, не задавала лишних вопросов, а пропустила внутрь. Анри сидел за столом, заваленным бумагами. Несмотря на ранний час, он выглядел крайне утомленным. Перед ним в кресле устроился, скрестив ноги, бодрый и довольный Роберт Гейлен. Контраст налицо.

— Опаздываешь, — встретил меня брат.

— Мы уже думали, тебя кто-то съел по дороге, — хохотнул Роберт, поднимаясь навстречу и пожимая руку.

— Что за собрание? — поинтересовался я, занимая свободное кресло.

— Все то же, — хмуро ответил Анри. — Я говорил с Андре.

— И как? — Кольнуло нехорошее предчувствие.

— Он, как всегда, угрожал. Но, думаю, больше для вида, потому что выглядит скверно, едва ветром не сдувает. Впрочем, в том, что он может исполнить свои угрозы, я не сомневаюсь. Визор ему передал, лично он являться в здание магистрата отказался.

— И что мы будем делать? — поинтересовался Роберт. — Я, конечно, ничего не имею против профессора Айденса, как бы его теперь ни звали, но он еще в гимназии пару раз пытался от меня избавиться.

— Потому что считал тебя моим врагом, — вмешался я.

— И это дает ему право меня убивать? А вдруг я завтра рассорюсь с тобой вусмерть, Вейран? Что тогда? Будете нового магистра искать?

В чем-то Роб был прав. Он всегда говорил в глаза то, что думал, и сейчас тоже. По-хорошему, нам стоило собраться всем вместе, включая Андре, и установить... некоторые границы, но сам Андре решительно отказался от встреч. Что же делать?

— Я усилил охрану башни, — добавил Анри, комкая в руках какой-то листок. — И здания магистрата тоже, но мы ведь знаем, что, если Андре будет нужно, он пройдет по зеркалам.

— Думаешь, защитные символы не помогут? — спросил Роб.

— Как знать? Не помогли ведь они прошлому составу магистрата.

— Но мы их усовершенствовали!

— А проверять на ком? На нем? — Анри покосился на меня. — Так уровень Андре в зеркальной магии гораздо выше. Не выйдет ничего хорошего. Или пригласить самого Андре испытать нашу защиту?

— Сколько неприятностей от одного человека, — фыркнул Роберт. — Зато, если кого-то из нас убьют, двое других будут знать, кого искать.

— Почему вы оба решили, что Андре решит избавиться от вас? — не выдержал я.

— Потому что он уже пытался это сделать, — ответил Анри. — И кто запретит ему повторить подвиг? Ты?

Я молчал. Мне нечего было им сказать. Андре никогда не скрывал, что ему плевать на человеческие жизни. А вдруг он и правда решит взяться за новых магистров? Что тогда? Верить в это не хотелось. Я еще помнил, как мы сражались плечом к плечу. Но пять лет пустоты...

— Как дела дома? — спросил Анри. — Что говорит отец?

— Если бы ты появлялся там чаще, знал бы сам, — не упустил я случая его подколоть. — Ничего он не говорит, только ходит мрачнее тучи. Я тоже не хочу поднимать эту тему.

Об Андре у нас дома молчали все. И я, и мама, и даже Полли. Это было чем-то запретным, будто кинь искру — и все загорится. Но иногда мне хотелось спросить отца, что он думает о воз-

вращении Андре. И приходилось раз за разом напоминать себе, что не стоит. Усилиями Андре отец год провел, заключенным в зеркало, и так и не оправился от старых ран. Теперь трость стала его извечным спутником. Но он хотя бы жив. Уже за это стоило поблагодарить Андре.

— Я тоже усилю охрану, — сказал Роберт. — В штате темного магистрата есть парочка бывших учеников Айденса, пусть поработают дополнительно с защитой. Фил, ты бы тоже не ходил в башню пустоты. Опасно это.

— Скажешь тоже, — отмахнулся я. — Андре не нужна моя смерть.

— Не была нужна пять лет назад, дружище. Много воды утекло. Да и пустота не способствует хорошему расположению духа. Так что будь осторожен. Раз Андре так настаивает, будем держаться от него подальше.

Я пожал плечами. И снова Роберт был прав, но мне не нравилась его правота. Не ходить в башню пустоты? Наверное, это было бы самым верным, но тогда Андре будет там совсем один. А я знал, что такое полное одиночество. Никогда не забуду...

— Фил? — окликнул меня Анри.

— У тебя визор светится, — заметил я.

Анри отмахнулся, но все-таки взял лист бумаги и направил на него кристалл, пробежался взглядом по буквам и нахмурился.

— Что? Дурные вести? — поинтересовался Роберт.

— Да не то чтобы... Герцог Дареаль пишет, что у него пропал сын, и спрашивает, не приезжал ли он в столицу. Надо дать городской охране описание Вильяма, пусть обратят внимание.

Герцог Этьен Дареаль был хорошим другом нашей семьи. Ну, не всей семьи — с Анри они больше терпели друг друга. Зато прошлой зимой я провел у герцога целый месяц. Сам он в столицу не приезжал — дети были слишком маленькими, а оставлять супругу с оравой ребятишек в отдаленном замке Этьен не желал. Зато старший сын Дареаля, наш друг Вилли, снова устроил шутку в своем духе. Он всегда был крайне непоседливым мальчишкой, его тяготила размеренная жизнь провинции. Вот, видимо, и сбежал, если опять никуда не влип.

— Будем надеяться, волчонок сам ушел, а не кто-то помог, — повторил мою мысль Анри. — Только почему Этьен думает, что он попадется нам на глаза? Я бы на месте Вилли обходил старых знакомых десятой дорогой.

— Может, спросить у пустоты? — предложил я.

— Попробую, но в последнее время она редко откликается на зов.

Анри обладал двумя видами магии — света и пустоты, но после того, как магистром стал Андре, сила пустоты немного ослабла. Анри это, конечно, не беспокоило, но для защиты этот вид магии был куда лучше светлой.

Мы еще какое-то время посидели над бумагами, обсудили самые животрепещущие вопросы жизни столицы и разошлись. Пойти на обед домой? Да, пожалуй. Я ускорил шаг, надеясь успеть. Вскоре впереди показалась знакомая крыша. Еще один поворот, по привычке — в обход мимо площади, и — вот он, мой дом, утопающий в цветах. Мама следила за клумбами тщательнее, чем птица за птенцами. Мы с Анри посмеивались, но если ей в радость, пусть все цветет.

Стоило открыть дверь, как на меня налетел маленький ураганчик в розовом платъице с воплем:

— Фи-и-ил!

— Мадемуазель Мелани! — Следом за племянницей уже спешила гувернантка. — Вы забываете о всяких приличиях!

— Не ругайте ребенка, мадам Помпур. — Я подхватил племянницу на руки, она радостно рассмеялась и обняла меня за шею. — Мелли, а где мама?

— Она с Илом, — тут же доложила девочка.

Илберту, моему младшему племяннику, недавно исполнилось два, но уже сейчас я был готов заявить, что мальчик вырастет копией Анри. Он даже ходил так, как брат, не хватало лишь мантии светлого магистра.

— Фил, ты вернулся? — Полли быстро спустилась по ступенькам с ребенком на руках.

— Да. Был в светлом магистрате, и твой супруг передавал, что сегодня постарается явиться раньше полуночи.

— Он даже постарается вернуться, — улыбнулась Полина. — Неужели его срочная работа закончилась?

— Мне кажется, она не заканчивается никогда. Вы еще не обедали?

— Нет, только собираемся. Хорошо, что ты успел.

— Сейчас переоденусь — и к вам присоединюсь.

Я опустил племянницу на пол, и она подбежала к матери. Если бы не ослиное упрямство директора Рейдеса, у нас с Лиз тоже уже могли быть дети. Лиз даже предлагала сделать Рейдеса дедушкой, чтобы перестал упрямиться, но тогда я отказал-

ся — хотел, чтобы все было по правилам. А теперь Лиз слишком далеко. И что поделаешь?

Я быстро переоделся и спустился в столовую на первом этаже. Все уже были в сборе: мама о чем-то оживленно рассказывала отцу, Полли с любовью поглядывала на детей, которые вертели в разные стороны и норовили схватить что-нибудь со стола, не дожидаясь меня. Самая обычная семья.

Я поздоровался с родителями, и все наконец-то сели к столу. Мы старались обедать вместе — жаль, что чаще всего без Анри, но понимали, что не он сделал такой выбор, а магистрат требует почти постоянного его присутствия. Первое время Полли пропадала там с мужем, но когда у тебя двое детей, пусть за ними и присматривают самые лучшие гувернантки, в башню света не набегаешься.

— Что в светлом магистрате? — спросила Полли.

— Все как всегда. Приходил Роберт, и мы обсуждали... изменившийся состав магистров.

Отец угрюмо взглянул на меня, но Полли сама спросила! Что мне теперь, молчать?

— Как поживает Роберт?

— Говорит, что прекрасно. Но мне кажется, с той поры, как Анна отказалась выходить за него замуж, не все так хорошо. Однако Роба сложно выбить из колеи, так что, думаю, новая кандидатура на роль супруги темного магистра не за горами.

Полли улыбнулась. Еще бы! Роберт Гейлен был не только моим лучшим другом, но и предметом для анекдотов по всему Альсенбургу, потому что Роб и его возлюбленная трижды назначали дату свадьбы и трижды успевали поссориться накануне. В четвертый раз Анна просто отказала темному магистру и, если верить слухам, собиралась замуж за другого.

— А что в гимназии? — спросила мама.

— Я там сегодня не был, — качнул головой. — А в целом многие сейчас стараются сдать экзамен на ступень, ведь скоро новый учебный год, пусть и весьма условно.

Так мы и переговаривались до самого десерта, пока с мирных тем разговор снова не свернул на куда менее приятные для моей семьи.

— Не понимаю, почему Анри уже неделю даже домой не возвращается, — произнесла мама. — Работа — работой, а семья — семьей.

— Думаю, как раз из-за семьи, — ответил я. — Он не знает, чего ожидать от Андре, вот и старается сделать защиту как можно сильнее. И для башни, и для дома.

Папа снова угрюмо взглянул на меня, но мне надоели эти игры. Что плохого в том, что я упоминаю Андре? Он есть, этого не изменить. Он — магистр пустоты, Робу и Анри придется с ним работать, потому что теперь на особо важных документах будут требоваться подписи всех трех магистров. И никто не станет интересоваться, почему с этим конкретно никто не желает иметь дела. Можно подумать, Кернер был лучше! Или его предшественник.

— Защита все равно не поможет, — сказал отец. — Если... он решит что-нибудь вытворить, его никто не остановит.

— Пока что Андре не покидает башню, — ответил я. — Правда, отловил всех шпионов и зашвырнул в магистрат через зеркальный лабиринт, бедняги теперь заикаются. Но это их проблемы, не мои.

— Мне не нравится, что вам приходится сотрудничать... с ним.

Отец даже имени его не называл!

— А меня все устраивает, — чуть резче, чем следовало, ответил я. — И раз уж вход в башню пустоты разрешен исключительно мне, значит, не общаться с Андре я не смогу.

Полли с укоризной посмотрела на меня, но я действительно устал от этих недосказанностей. После обеда полдня пробродил по дому, а ближе к вечеру вышел в весеннюю прохладу. Воздух был наполнен дивным ароматом пробуждающейся природы — запахом свежей травы и первых цветов. Хотелось идти и идти, вот я и шел, стараясь не думать ни о чем. Получалось скверно — как, впрочем, и всегда. Сложнее всего отключить мысли, особенно когда они льют через край.

Когда ноги сами вынесли меня к башне пустоты, я не собирался заглядывать к Андре. Но потом подумал, что стоит все-таки узнать, как дела у брата. И потом, у меня было к нему дело. Если бы о нем узнал хоть кто-то, дома был бы скандал. Я прекрасно это понимал, но отступать не собирался. Поэтому дошел до знакомых ворот и уставился на башню. Охраны не было, дверь, казалось, даже была не заперта. Темная громада башни нависала надо мной, и становилось не по себе. Светилось лишь одно окно на самом верху. Я набрался смелости и постучал. Никто не ответил. Постучал громче. Скрипнула оконная створка.

— Проходи, раз пришел, — раздался голос Андре.

Крайне гостеприимно! Но и идти обратно я не собирался, поэтому толкнул дверь, надеясь, что хотя бы дойду до верхних комнат живым и не сверну себе шею.

ГЛАВА 4

Андре

В башне пустоты каждый день был настолько же похож на предыдущий, как и в самой пустоте. Поэтому я не видел особой разницы находиться там или здесь. Утром читал найденные в запыленных шкафах книги, в обед тренировался и снова занимался защитой. Вот бы забраться на крышу и еще оттуда накинуть полог! Но крышу венчал острый шпиль, и удержаться там было нереально, а свернуть себе шею все-таки не хотелось.

После тренировок я настраивал новые зеркала. К счастью, удалось найти неподалеку лавчонку, торгующую разными мелочами. Когда хозяин услышал, что я готов купить двадцать зеркал, а особенно оценил сумму, которую соглашался за них заплатить, то, наверное, посчитал меня сумасшедшим, потому что украдкой сделал знак, отвращающий беду. Затем сообщил, что достать двадцать штук никак невозможно, но десять он берет за привезти. Через пару дней я получил свое сокровище и начал длительный, кропотливый процесс настройки.

С зеркалом стоило вести себя как с любимой женщиной. Постепенно устанавливал контакт, вглядываться в отражение, изучать его, стараться нащупать точки соприкосновения и, наконец, дожидаться отклика. А затем так же медленно становиться с зеркалом одним целым, чтобы оно откликалось даже не на закливания, а на мысли.

Веселее всего было вечерами, потому что стоило стемнеть, как башню окружали любопытствующие и шпионы. Шпионов я поначалу хотел повесить на воротах, но потом решил, что не стоит вот так сразу обострять отношения, и для начала вышвырнул их прямо через зеркальный коридор в здание магистрата. А если быть точным, на крышу, не такую крутую, как здесь, а вполне пригодную, чтобы провести на ней несколько часов, пока не снимут. Любопытствующим пришлось хуже. С ними я не церемонился. Призывал пустоту, и в мгновение ока двор пустел, а я возвращался к зеркалам.

Но на этот раз, когда магия предупредила о приближении постороннего человека, это был не шпион и не проситель. Я выглянул в окно. Так и есть, на ночь глядя принесло младшего брата. Филипп Вейран постоял у ворот, будто решая, стоит ли входить, но я был уверен, что никуда он не денется. Братишка оправдал ожидания — подошел к двери и постучал. Стука я не

услышал, зато откликнулись защитные заклинания на входе. Работает!

Пришлось пригласить парнишку внутрь. А заодно испытать еще одно новое заклинание. Филипп уже почти поднялся в мой новый кабинет, когда дорогу ему преградил призрак. Я наблюдал за происходящим с лестницы и едва не рассмеялся, когда Филипп закусил губу, словно готовясь удрать, а затем уверенно развеял видение.

— Андре, что за глупые шутки? — взлетел он по ступенькам. — Что это было?

— Зеркальный фантом, — ответил я. Филипп не заметил главного — крохотного зеркала над лестницей. — Зачем пришел?

Фил сначала было растерялся, но быстро взял себя в руки:

— Просто проходил мимо.

Проходил он... Я вошел в кабинет. Филипп направился следом за мной. Что ж, он был единственным, кому я разрешил приходить в башню. Во-первых, лучше он, чем кто-то посторонний. Во-вторых, я привык к Филиппу Вейрану еще в бытность его студентом «Черной звезды». Конечно, сейчас он мало походил на того опустошенного мальчишку, которого я учил зеркальной магии. Стал выше на голову, шире в плечах, не глядел угрюмо. Наоборот, у него был открытый, прямой взгляд, и это уже многое говорило о нем как о человеке. Но тогда, пять лет назад, я понимал его. Конечно, частично сам был виноват в его бедах, только и правда понимал. И сейчас за ним было забавно наблюдать.

Фил вертел головой по сторонам. Да, я немного переставил мебель так, чтобы было удобно работать. А еще повесил зеркало напротив двери, чтобы в нем отражался каждый входящий. Если кто-то проникнет в кабинет в мое отсутствие — мало ли что, — я сразу пойму, кто это был.

— Тебе тут не по себе? — спросил у Филиппа.

— Немного, — признал он. — Гнетущая здесь все-таки атмосфера.

Ему ли говорить? Универсальному магу. Той высоты, которой я достиг только сейчас, Фил добился еще во время обучения в «Черной звезде». Пробудил все три стихии, но об этом никто не знал. Уверен, что и сейчас Филипп успешно скрывает, что его магия не такая. Плохо то, что он будто остановился на месте. Магические поля раскрылись полностью — сквозь зеркала я видел их, но мало! Этого мало. Почему граф Вейран не на-

шел для сына новых преподавателей? Одной тьмой все не ограничивается.

— Атмосфера как атмосфера, — ответил я. — Мне нравится, знаешь ли. Зато пусто.

— Все равно жутковато.

Еще бы! Я лично старался. Пока не закончил, но наброски уже можно было оценить.

— Чем ты занимался эти пару недель? — спросил Филипп, будто мы были старыми приятелями и он зашел в гости.

— Работал, — ответил я. — Ты пришел сюда разводить светские беседы? Или по делу?

Фил внимательно посмотрел на меня. У него всегда был особенный взгляд — проникал в самую душу. Смотришь в глаза — и хочется признаться во всем. Даже в том, чего никогда не совершал. Он был младше меня на пять лет, а мне иногда казалось, что старше. Вот как сейчас, когда он уставился на меня зелеными глазами, словно стараясь разделить на части и взглянуть, что у меня внутри.

— По делу, — вздохнул Филипп. — Андре, позанимайся со мной зеркальной магией.

— Что?

Я ожидал какой угодно просьбы, но не такой. А братишка хитер! Потому что мое согласие — это разрешение официально приходиться в башню, когда ему вздумается. Что ж, недаром он окончил «Черную звезду» меньше чем за год. Ума Филиппу хватало всегда. Хитрость, видимо, нажил за то время, пока я его не видел.

— Зачем тебе? — спросил прямо.

— Чтобы стать сильнее, — ответил Фил. — Я пытался освоить новые заклинания по книгам, но получается скверно, а с другими зеркальными магами я работать не хочу.

— Это правильно, — сказал я. — Эти другие... С кем-то я учился, кого-то учил. И не всем из них стоит доверять.

— Так ты согласен?

Захотелось щелкнуть братца чем-нибудь по носу, но с ним действительно стоило позаниматься. Тем более что и в его арсенале было одно заклинание, которое я никак не мог разобрать.

— Хорошо, — ответил ему. — Только нечасто, пару раз в неделю для начала. И ты взамен покажешь мне, как проходишь сквозь пространство без зеркала. Я давно хотел изучить магические потоки вокруг тебя в этот момент.

— Как скажешь, — неведомо чему обрадовался Филипп. — Когда приступим?

— Да хоть сейчас! До полуночи еще далеко. Или тебя ждут дома? — спросил я безо всяких посторонних мыслей, но Фил на миг помрачнел.

— Я часто поздно прихожу, — ответил он. — И специально следить никто не будет. Так что давай сейчас.

Зал, в котором можно было бы тренироваться, я обнаружил еще в первые дни, только защита на нем пока что стояла слабая. Что ж, придется усилить. А пока что хватит и этой, все, чего хочу на сегодняшний день, — оценить, насколько разросся магический потенциал моего бывшего ученика. Мы быстро перетасщили туда четыре напольных зеркала — по одному в каждый угол, я немного поправил магические нити и замер в центре зала.

— Нападай, — приказал брату.

— Что, вот так просто? — смутился он.

— А ты что думал, мы будем цветочки нюхать? Нападай, кому говорят!

Филипп понял, что не шучу. Первым делом выставил защиту — крайне занятную, стоит признать.

— Замри! — приказал я и подошел ближе, изучая замысловатое плетение щита. Что он сюда намешал? Вижу поглощение урона, толику отражения и какие-то обманки. Интересно. Захотелось испытать щит на прочность. Сначала постучал по нему темной магией — отлично отражает. Затем светлой — не хуже. И только серая магия пустоты слегка просочилась внутрь. Ничего, и эту сторону наладим.

А затем я атаковал. Филипп отшатнулся, уходя с линии удара.

— Ты чего? — крикнул мне, но настоящий противник не станет объяснять, как и когда планирует ударить. Он будет просто бить, и все. Вот и я — бил. Стараясь только не применять смертельных заклинаний, потому что защита зала не позволяла. Но вскоре у Филиппа пол запылал под ногами, а я оценил, каким подарком наградила меня пустота. Ее магия была ошеломляющей и идеально сочеталась с моей.

Фил тоже разозлился и перешел на куда более серьезный уровень заклинаний. Теперь передо мной был не просто мальчишка, но — маг. Один из сильнейших в стране, если не самый сильный. Однако я заметил сразу, что брат не использует и половины своего потенциала. Увеличил мощь удара, вынуждая Филиппа тоже усилить заклинания. Нет, так не пойдет!

— Ты что, пять лет не тренировался? — отшвырнул в стену его очередную атаку и остановился.

— Тренировался, — запыхавшись, отвечал Филипп. — Но разве я виноват, что все три стихии сразу тренировать было не с кем? Анри некогда, папе здоровье не позволяет, а другим рассказывать нельзя.

— А Рейдес?

— Он меня терпеть не может! Да и темный он, а темной магии меня Синтер научил. С остальными-то что делать?

— Понятно. — Видимо, проблема больше, чем я предполагал. — Теперь покажи мне, что стало с твоей зеркальной магией. Давай десять переходов через зеркала на время.

И уставился на настенные часы, которые от наших упражнений покосились и едва не падали. Фил шагнул в ближайшее зеркало, вышел из противоположного... Достаточно быстро и уверенно. База никуда не делась, братец ее значительно расширил.

— Дальше что? — спросил он, останавливаясь после десятого раза.

— А дальше — то же самое, — ответил я, — только без зеркал.

Фил усмехнулся и шагнул вперед, исчезая из поля зрения. У него без зеркал получалось даже быстрее. Я разглядывал потоки силы и понимал, в чем дело. Но понимал ли брат?

— Как ты это делаешь? — спросил, когда упражнение закончилось.

— Представляю зеркало и иду, — пожал он плечами.

— То есть ты не понимаешь, что используешь отнюдь не зеркальную магию?

— А какую? — уставился на меня Фил.

— Магию пустоты. Ты из нее строишь коридор, как это делал твой брат. Но твой коридор другой — точный и действительно похожий на зеркальный лабиринт. Молодец, неплохо. В отличие от зеркал пустота всегда под рукой.

И я аккуратно запустил в Фила заклинанием.

— Да ты издеваешься! — взвился тот, отчаянно чихая.

— А раньше ты быстрее поднимал щиты. Теряешь сноровку. Беру свои слова обратно, двух раз в неделю недостаточно. Приходить будешь через день в любое время суток — у меня пока нет неотложных дел. Только дома не говори, запретят.

— С чего ты взял? — снова насупился брат.

— А разве я не прав?

Фил закусил губу и ничего не ответил. Какой же он все-таки еще ребенок! Так и не научился врать. Никто не обрадуется, когда поймет, где их младший сын и брат пропадает вечерами.

Это было ясно и мне, и ему, но Филипп никак не желал этого признавать.

— Хорошо, — наконец кивнул он. — Я не стану говорить. Но, думаю, меня и так скоро заметят шпионы магистрата.

— Это те, которых я на голову магистрам выбросил, что ли? — Мне вдруг стало смешно. — Не беспокойся, если заметишь хоть одного, его постигнет та же участь. А теперь давай провожу тебя хотя бы до границ квартала, время позднее.

— Сам дойду, — тут же напыжился Филипп, но я не спрашивал, а утверждал, поэтому накинул плащ и следом за ним вышел в ночную прохладу. Пахло дождем — наверное, магистрат решил, что пора немного напитать землю водой. В пустоте не было никаких запахов, поэтому я довольно втянул носом воздух.

— Может, тебе что-то нужно? — осторожно спросил Фил. — Продукты или...

— Зеркала. Все, что мне нужно, — это зеркала, — ответил ему. — Как можно больше, любых форм и размеров. Я замыкаю на них защитный контур.

— Я поищу.

Дальше мы шли молча. Я проверял пространство. Фил, похоже, тоже, но за нами никто не следил, а как только потянулись более оживленные кварталы, я остановился.

— Сам доберешься? — спросил его.

— Конечно, — спокойно ответил Филипп. — Я приду послезавтра с зеркалами, только ближе к вечеру, утром у меня лекции.

— Учишься?

— Преподаю.

И чем думал Рейдес? Потому что другого учебного заведения, куда могло занести брата, не было! Филиппу самому бы кто преподавал.

— И какой же предмет?

— Теорию и практику защитной магии, — ответил он.

— А! Ну, в этом ты хорош. Но ты бы лучше собой занялся, а не другими.

Фил промолчал. Я заметил, что он вообще больше отмалчивается, когда не желает спорить. Странный парнишка. Себе на уме.

— До встречи, — сказал я ему.

— До встречи, — донесся ответ, и брат зашагал прочь, а я на всякий случай пустил по его следу тень — чтобы убедиться, добрался ли он домой. У его семьи всегда было много врагов, да и личных у Филиппа хватало.

Сам же вернулся в башню. Уже поднялся на свой этаж, когда почувствовал легкое, почти невесомое вмешательство в защиту. Выглянул в окно — и увидел только белый хвост, скрывшийся за дверью. Любопытно... Пустота пропустила любимого оборотня? Надо завтра внести изменения, чтобы моя защита случайно не зашибла волчонка и уж точно не пропустила его папу. Спускаться вниз и здороваться не стал. Захочет — поднимется сам. Нет — в башне этажей хватит, пусть сидит, где сидит.

С этими мыслями замкнул защиту и отправился в зал пустоты. Надо было поработать, потренироваться... Удивительно, как много дел у меня находилось даже, казалось бы, в полном одиночестве. Хотя, учитывая визиты брата и мелькнувший хвост, одиночеством это было крайне трудно назвать. А я так и не понял, рад этому или нет.

ГЛАВА 5

Пьер

Месяц выдался крайне насыщенным. Настолько, что я был, что такое свободное время и существует ли оно вообще. А еще казалось, что в Гарандии каждый день кого-то убивают, похищают, проклинаят или крадут. Мрак! Но мне за это платили, и платили неплохо, поэтому я брался за новые и новые дела, забывая про еду и сон. Вот и сейчас возвращался после весьма познавательной беседы. Она должна была помочь пролить свет на крайне запутанную историю.

Остановился, потер виски... После того дня, когда мы с Филом услышали звон туманного колокола, головная боль стала привычной спутницей, и я никак не понимал почему. Да, я когда-то был магом пустоты, но это время кануло в прошлое. Теперь от былой силы остались воспоминания, но я не жаловался. Можно было бы попытаться вспомнить... Я и пытался иногда, только взамен всегда приходила эта самая головная боль. Вот и теперь неожиданный приступ заставил несколько минут стоять, опершись на фонарный столб. Прохожие косились на меня. Решили, что пьян? И пусть, вот только продолжить путь смог нескоро. Может, дело в том, что появился новый магистр? И теперь моя магия откликается на это подобным образом?

Я свернул за угол. Дальнейшее произошло так быстро, что позднее непросто было восстановить порядок событий. Черная

вспышка, летящая в глаза. Слишком поздно взметнувшаяся магия — и заклинание, летящее наперерез.

— Вы в порядке, месье? — услышал взволнованный девичий голос.

— А? — ошеломленно обернулся я. — Д-да, в порядке, в полном. А вот он, кажется, нет.

На том месте, где только что был мой противник, осталась только странная серая клякса. Вот это силища! Никогда не видел подобного.

— Спасибо, — пробормотал, разглядывая свою негаданную помощницу. Это была худощавая светловолосая девушка с огромными голубыми глазами. Взглянешь — скажешь «куколка». Но сколько же у этой куколки сил! Так просто уничтожить мага. Он даже щиты поднять не успел.

— Кто вы? — спросил у спасительницы.

— Я? — Она застенчиво поправила выбившийся локон за розоватое ушко. — Может, не здесь? Вы очень дурно обо мне подумаете, если я напрашусь к вам домой?

С чего бы мне думать дурно о прекрасных дамах? Поэтому протянул ей руку и увлек за собой. Тем более что у меня появились вопросы. Мелькнула и другая мысль — мадемуазель может быть подсадной уткой, и тогда защита дома поможет поймать ее с поличным. При этом лицо девушки вроде бы казалось знакомым. Мы когда-то встречались? Увы, я не помнил об этом, как и о многом другом, касающемся моей жизни. Тем более стоит узнать.

Моя квартирка располагалась на втором этаже старого дома. Удобное местоположение. Напротив — постоянный двор, где всегда можно вкусно пообедать и услышать последние новости. А в самом доме обитал только я. Уже выкупил соседнюю квартиру, чтобы расширить свои владения, и подумывал приобрести и первый этаж, если практика продолжит расти. Мы поднялись по скрипящей лестнице, я приказал духу-хранителю не трогать странную гостью, но лишь сегодня. Кто знает, что от нее ожидать?

— Прошу в мое скромное жилище, — распахнул перед ней двери квартиры. — Прямо по коридору и налево.

Я редко принимал клиентов дома. Тем не менее случалось, поэтому постарался, чтобы гостиная выглядела презентабельно. Главной ее достопримечательностью был большой дубовый стол. И выглядел солидно, и стоил дорого, сразу внушая доверие. Кресла тоже подбирал особые — с высокими спинками, но жест-

кими подлокотниками, чтобы было и уютно, и по-деловому. Остальные мелочи дополняли основной интерьер. Например, светильники на подставках, которые больше освещали лицо собеседника, чем мое собственное. Или картины в одинаковых рамках красного дерева с позолотой. Девушка оглядывалась с легким удивлением. Наверное, мое жилье представляла себе не так.

— Присаживайтесь, — указал ей на «особое» кресло. — Чайный отвар? Ягодный настой?

— Нет, благодарю вас, месье Эйлеан.

Что? Я замер. Как она меня назвала?

— Мы с вами знакомы? — спросил чуть строже.

— Да. — Моя незнакомка потупила взор. — Когда-то давно... я была одной из ваших теней.

Вот так новости! Я тяжело опустился напротив, уже пристальнее вглядываясь в незнакомку. Значит, она — маг пустоты? Но она казалась такой юной. Сколько же ей лет? Двадцать пять, не больше. Я принял ее на службу в двадцать лет?

— Простите, я не помню, — ответил тихо.

— Я знаю, — кивнула она. — И если бы не острая необходимость, не пришла бы. Но прежде чем о ней говорить...

Девушка будто засомневалась.

— Месье Эйлеан, я могу вернуть вам память, — сказала она.

Вернуть память? Я замер на месте. Иногда мне казалось — зачем вспоминать, если я счастлив и так? А иногда грызла непонятная тоска, будто упустил нечто важное. Ведь это была моя жизнь, пусть, возможно, и сложная, но — моя.

— Вы хотите этого? — спросила девушка.

— Назовите для начала ваше имя, — попросил я.

— Виктория. Меня зовут Виктория, месье Эйлеан.

Виктория, значит... Я поднялся и прошелся по комнате. Хотел ли я вспоминать? Сердце заныло, будто предупреждая, что не стоит. Что же мне пришлось забыть по воле пустоты? Что я такого натворил? Это была часть меня. Отсутствующий фрагмент, который мешал достичь целостности. Поэтому я остановился перед ней и тихо сказал:

— Хочу.

— Тогда лучше присядьте, — мягко ответила она, подходя ко мне.

Я сел и почувствовал, как прохладные пальчики опустились на виски. Мягкое, почти личное касание. А затем вдруг пришел холод. Он расползлся от головы все ниже, ниже. За холодом пришла боль. Чудовищная головная боль, от которой не было

спасения. Я кусал губы, чтобы не закричать и не испугать Викторю. А когда пришли образы, все-таки закричал...

Больно! В груди все горело огнем. Меня будто разрезали на части — и собрали снова. Человек получился скверный... Я с горечью рассмеялся, обхватывая голову руками. Спасибо, Пустота. Ты дала мне забыть... Забыть о том, что исковеркало меня, измололо и сделало пылью. Зачем мне понадобились эти знания? Но все-таки я был рад. Потому что вернулась только память. Ни любви, ни ненависти... Такого груза я бы не вынес.

— Как вы, месье Эйлеан? — с тревогой спросила Виктория.

Вики. Конечно, теперь я вспомнил ее — самую юную из моих теней. И одну из самых одаренных. Я долго отказывался принимать девушку в охрану, но она оказалась настойчивой и доказала, что достойна доверия. Но почему Вики появилась именно сейчас?

— Все в порядке, — ответил я, силясь улыбнуться. — Как ты нашла меня?

Она ведь, как и многие, едва ли знала меня в лицо, да и во внешности Пьера Лафира осталось так же мало от магистра Эйлеана, как и внутри.

— Я долго искала. — Вики отвела взгляд. — А потом еще дольше опасалась подойти.

— Где же другие тени? — спросил ее.

— Нас осталось слишком мало, месье Эйлеан. Большинство погибло той ночью, когда вы перестали быть магистром. И я не пришла бы к вам, если бы не одно обстоятельство...

— Какое же?

— Кто-то хочет снять печати с пустоты.

Что? Неужели новому магистру делать нечего? Или это не он? Я вспомнил мрачного парня, который стал моим преемником. Пять лет в пустоте... Большой срок. И огромный период, когда неведомые «освободители» могли выполнить свой план. А теперь магистр на месте. К чему так осложнять? Именно этот вопрос я и задал Виктории.

— Все непросто, месье Эйлеан, — ответила она.

— Называй меня Пьер, — поправил девушку. — Магистра Эйлеана все равно больше нет, а есть Пьер Лафир. Так что же случилось, Вики?

— Дело в том, что, пока не было нового магистра, врата не подпускали к себе никого, — ответила она. — Многие пытались — и больше никогда не возвращались. Скорее всего, их пожирала пустота. Мы, тени, остались без магии, потому что пус-

тота перестала делиться ею с нами. А когда магистр вернулся, магия проснулась. Поэтому я и подозреваю, что открыть ворота и выпустить пустоту хочет кто-то из теней.

— С чего ты вообще это взяла? — пытался найти зацепку.

— Мой брат... вы помните моего брата, месье Эйлеан? Пьер...

Конечно, я помнил. Он был старше, но пришел к нам позднее.

— Помню, Вики. Так что с Демьяном?

— Ему предлагали... нечто подобное, но он отказался, а затем пропал. Больше я его не видела. Никто не говорит, что этим людям удастся задуманное, но вдруг? Вдруг они действительно выпустят пустоту? Это уничтожит всех нас! А новый магистр не призывает теней. Мы послали к нему одного из нас, он и слушать не стал, сразу вышвырнул вон. Он силен — и слаб одновременно. Ведь что может один человек?

— Многое, если за его спиной — Пустота, — ответил я. — Сколько вас, Вики?

— Пятеро, — ответила она. — Я, Кейт, Максимилиан, Вернер и Алек. Но парни были против, чтобы я впутывала вас в это. И поэтому пришлось идти самой.

— Понимаю. Что ж, Вики, постараемся найти наших освободителей. Однако сегодня я попрошу тебя уйти. Давай встретимся завтра... скажем, в пять часов вечера на постоялом дворе напротив. Поужинаем и решим, с чего начать поиски.

— Спасибо, магистр! — воскликнула Виктория. — Простите, Пьер.

— Ничего, тебе позволительно. Я и сам бы долго привыкал, если бы не потеря памяти. Но теперь все перемешалось, и мне нужно немного времени, чтобы расставить воспоминания по полочкам. Когда это удастся, можно будет понять, куда двигаться дальше. А пока иди.

Я проводил Вики до двери, затем снова поднялся наверх и упал в кресло. Внутри бушевал ураган. Прошлое смешивалось с будущим. Тем будущим, которое так кропотливо выстроил и не хотел терять. Кирпичик за кирпичиком в течение пяти лет. А теперь все грозило рухнуть. Но если Вики права, значит, дела наши плохи. Пустота не станет церемониться. Она пожрет все, до чего дотянется. Поговорить бы с новым магистром... И если это ничего не даст, был еще один человек, с которым можно посоветоваться. Только этот вариант я оставил на крайний случай.

Вечер выдался холодным. Поэтому захватил плащ и вышел в сгустившийся сумрак. Путь до башни пустоты казался при-

вычным — и совершенно чужим. Сердце глухо билось в груди. Откуда-то пришло непонятное беспокойство. Что мне сказать новому магистру, чтобы он услышал и принял меры? Как объяснить? А может, и объяснять не придется?

Ускорил шаг, чтобы полчаса спустя оказаться у знакомых ворот. Вот только дальше пройти не смог. Взметнулись щиты защиты, отсекая башню, делая ее недоступной. И что делать? Заметили ли мое присутствие? Если да, станут ли со мной разговаривать?

Входная дверь отворилась, и на пороге показался высокий мужчина в черной рубашке и брюках. Я помнил его другим. Тогда его лицо было диким, отчаянным, будто наполненным яростью. Сейчас же передо мной была скала. Даже подумалось, а не забрала ли Пустота у него чувства, как у меня когда-то? Магистр замер у входа, не подходя к воротам. Я же терпеливо ждал, пытаюсь понять, узнал он меня или нет.

— Перепутали дорогу, месье Эйлеан? — колко спросил мой собеседник, и перед глазами тут же возник юноша, которым он когда-то был. — Не помню, чтобы приглашал вас в гости.

— У меня к вам важный разговор, магистр, — ответил я, не зная, как к нему обратиться. Варне? Вейран? Кто он теперь?

— Для важных разговоров есть дневное время суток. Или боитесь, что вас здесь увидят? — Он откровенно насмеялся, а мне хотелось стереть ухмылку с красивого, но безжизненного лица.

— Прошу уделить мне четверть часа, и тогда сами решите, стоило ли приходить.

Защита исчезла. Я перешагнул черту, отделявшую меня от собеседника, и подошел к нему, чувствуя, как щиты возвращаются на место.

— Слушаю вас. — Андре скрестил руки на груди и уставился на меня тяжелым немигающим взглядом. Почему Пустота не преобразила его? Почему она так поступила со мной? Видимо, этот тип устраивает ее таким, какой есть.

— Мне стало известно, что группа лиц в Альсенбурге хочет сорвать печати и выпустить Пустоту из ее тюрьмы, — сказал прямо. — Пока не знаю, кто именно, но собираюсь найти.

— Вы зря тревожитесь, месье Эйлеан, — ответил Андре. — Я здесь и, уж поверьте, не дам этому произойти. Да и сама Пустота никуда не рвется. Если бы ей была нужна свобода, она попросила бы меня. Хоть раз за все это время.

— Рад слышать, но все же надо принять меры, усилить охрану...

— Вы видите здесь охрану? — перебил магистр.

И правда, никого... Абсолютная пустота.